

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Анархизм и ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ

доклад на либертарной секции конференции
«Векторы» в Шанинке 18 апреля 2024 года

Пётр Рябов

Пётр Рябов
Анархизм и экзистенциализм
доклад на либертарной секции конференции «Векторы» в
Шанинке 18 апреля 2024 года
2025

OCR по изданию: Современные либертарные теории и
практики. Сборник статей секции 2024-2025 —
Кооператив Компост × СЛТП, 2025. — 310 с.

ru.anarchistlibraries.net

2025

- Рябов П.В. Анархические письма. — М.: Радикальная теория и практика, 2013.
- Рябов П.В. Анархизм и экзистенциализм. Выступление перед студентами ВШЭ с модерацией профессора Т.П. Лифинцевой в ноябре 2019 года.
URL: https://www.youtube.com/watch?v=hRtRTV_grRs
- Рябов П.В. Философия бунта Михаила Бакунина. // Памяти М.А. Бакунина. — М.: Институт экономики РАН, 2000. С. 38-66. Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). — М.: Вузовская книга, 2007.
- Рябов П.В. Человек бунтующий — философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю. // Возрождение России: проблемы ценностей в диалоге культур. Материалы второй Всероссийской научной конференции. Ч.1 — Нижний Новгород, 1994. С. 74-76.

Здравствуйтесь, ещё раз. Хотя я историк, а также вдобавок и историк философии, однако это моё небольшое выступление не будет по преимуществу историческим докладом. Я хотел бы довольно бегло и свободно поразмышлять о взаимоотношениях между анархизмом и экзистенциализмом, об их глубоких взаимных пересечениях, возможности более осознанного взаимопроникновения и синтеза, а также и о тех предрассудках и стереотипах, которые этому мешают. До этого мне, уже лет тридцать пять считающему себя в равной степени как анархистом, так и экзистенциалистом (хотя, разумеется, в разных аспектах) приходилось высказываться об этом лишь дважды: впервые — в новых изданиях своих «Анархических писем» (написанных в 1996-2002 годах), когда я (не без ироничной оглядки на знаменитую сартровскую лекцию «Экзистенциализм это гуманизм») решился дать второму письму (изначально безымянному) несколько претенциозное название «Экзистенциализм — это анархизм»¹, во второй раз (и несколько более подробно) — в публичной лекции с тем же названием, что и сегодняшний доклад, но с иным содержанием, перед пригласившими меня студентами ВШЭ, интересующимися философией анархизма, в конце 2019 года, в канун пандемии коронавируса² и всего ужасного, что за этим последовало.

И прежде всего, нам нужно отбросить ходячие поверхностные школярские представления о том, что такое «анархизм» (как «изм») и «экзистенциализм» (как «изм»). Обычно они числятся по разным номенклатурным разрядам в учебниках и массовых представлениях: «анархизм» обычно рассматривается как «социальное и политическое уче-

¹ Рябов П. Анархические письма. - М.: Радикальная теория и практика, 2013. С. 4, 39-73.

² Это выступление можно найти здесь: https://www.youtube.com/watch?v=hRtRTV_grRs

ние» (и только; ещё хорошо, если не как «идеология»!), а «экзистенциализм» — как «одно из направлений современной философии» (и только). То есть, если верить учебникам (а учебникам почти никогда верить не надо!), они соотносятся между собой, как, условно говоря, «река» и «гора». Что же может быть общего у реки с горой? И такой школьный взгляд, конечно, только мешает понять проблему их взаимоотношений.

На поверхности, на уровне «измов» (или, как ныне модно по-русски говорить: «позиционирования и репрезентации») они широки и разнообразны, но в глубине, как я убеждён, внутренне глубоко связаны и тяготеют друг к другу — не в Букве, не в «измах», а в Духе.

Экзистенциализм, как я полагаю, это не какая-то философская школа со своими догматами и скрижалями, а прежде всего определённая проблематика: набор экзистенциальных вопрошаний о смысле жизни, о свободе, вере, одиночестве, подлинности, заброшенности человека и его специфике в мире. И он, начав с разговора о личности, часто стремится обрести и социальное, intersubjectивное измерение (говоря языком Гуссерля).

Анархизм же часто выходит за рамки только социальных и политических вопросов и становится мировоззрением, в центре которого — доверие жизненной спонтанности, бунт против инертной данности, стремление к полному освобождению человека и обретению им братско-сестринской солидарности с другими людьми. Анархизм часто не хочет быть лишь социальным и политическим учением, но — мировоззрением, а значит, неизбежно выходит на экзистенциальные вопросы. Рисковать жизнью можно не только и не столько за повышение зарплаты, сколько — за человеческое достоинство, свободу и обретение полноты и смысла в жизни. И, стремясь к обретению смысла, созданию онтологии свободы и обоснованию философии

- о связи философии и социальной теории.

И здесь сливаются воедино переживание трагического чувства жизни, радикальное и бескомпромиссное понимание свободы, философия Бунта (Штирнера, Бакунина и Камю), преодоление сциентизма (Бакуниным, Боровым и экзистенциальными философами, а также Бергсоном, Ницше, Фейерабендом и франкфуртцами), «союз эгоистов» и «республика друзей» Штирнера и Абрамовского и «группа» Сартра, доверие к спонтанности и волюнтаризму жизни и критика всех форм отчуждения, эссенциализма и объективации и многие другие глубокие пересечения двух этих традиций.

Анархизм и экзистенциализм одновременно и совместно — предельно личностны, экзистенциальны, стремятся к разрешению последних «проклятых» вопросов бытия в эпоху «смерти Бога» и конца модерна, и в то же время — социальны, ангажированы, стремясь к преодолению космического одиночества и отчуждения личности и сокрушению социальной несправедливости. Революция социальная неизбежно предполагает в своём основании революцию личностную и метафизическую. Поэтому, вновь перефразируя название известного выступления Сартра и несколько утрируя, могу завершить словами: «Экзистенциализм — это анархизм».

Список литературы

- Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. (Предисловие и примечания П. Рябов). — М.: ЭКСМО, 2009.
- Боровой А.А. Личность и общество в анархическом мировоззрении. — М.: РИПОЛ-классик, 2021.

тестой, считаю не очень плодотворными. Напротив, экзистенциализм, отрицающий эссенциалистское объективирующее понимание человека, рассматривающий его как неповторимую свободную личность и как необъективируемую самосозидающую активность, бунтующую против бессмысленной и инертной данности и трансцендирующей её в акте творчества, сохраняет субъектность и оставляет надежду на свободу даже в самое жуткое и трагическое время наступившего Рагнарёка. По формуле Булата Окуджавы: *«Может, и не станешь победителем, но зато умрёшь, как человек»*, что, согласитесь, уже немало.

Старое, нелепое и никогда вполне не адекватное разделение анархистов на «социальных анархистов» (то есть анархо-коммунистов и либертарных социалистов-коллективистов (бакунинского толка)) и на «анархо-индивидуалистов» (хотя и сто лет назад из этого будто бы непрерываемого правила, установленного академическими педантами, имелось множество ярких исключений — от Эммы Гольдман и Алексея Борового и Андрея Андреева до Конфедерации анархистов Украины «Набат», вполне сочетавших в своих мировоззрениях и творчестве анархический социализм с анархическим индивидуализмом), сейчас выглядит совсем уж до неприличия архаичным и неадекватным и тем паче должно быть преодолено и устранено даже со страниц школьных учебников. За вопросом о синтезе анархизма и экзистенциализма скрываются другие принципиальные вопросы:

- о связи смысла жизни и творческого преображения социальной повседневности;
- о связи — борьбе и гармонии — личности и общества и о (не)возможности воплощения совершенного анархического идеала, а значит о понимании анархии не как Цели, но как Пути;

сопротивления, анархизм особенно в современном постциентистском мире — сплошь и рядом выходит на экзистенциальные вопросы, и часто на экзистенциалистские ответы. Любое великое романтическое революционное движение метафизично по сути, ибо трансцендирует существующий порядок вещей, выходит на последние и вечные экзистенциальные проблемы, на вопросы смысла жизни, а не просто большей «эффективности» или «рационализации» общественного устройства. И анархизм с его радикализмом именно таков. (Вспомним: испанские анархисты во время Революции тридцатых годов воспринимали «Хлеб и Волю» Кропоткина не просто как гипотетическое размышление о новом вольном обществе, но как новую Библию, заменяющую Писание обанкротившегося христианства.) Особенно это относится к современной преапокалипсической и постхристианской, но также и постсекулярной эпохе, когда рухнул модерн с его обезличивающей и деперсонализирующей слепой верой в разум, науку и прогресс, общество тотально атомизировалось, и точкой опоры анархизма стала не наивная вера в скорый рай на Земле и не социальность (и то и другое — во многом необратимо разрушены), а именно одинокая трагическая бунтующая личность, стремящаяся опереться на свою свободу и достоинство и прорваться к другим людям, её сотоварищам и сотоваркам по несчастью. И тут невольно и неизбежно вспоминается констатация и призыв Камю: *«Я бунтую, следовательно, мы существуем!»* То есть выходом из бессмыслицы и одиночества оказывается, по-бакунински, «святое чувство бунта» (да и по-штирнеровски), Бунт — против данности (в диапазоне от смерти до угнетения) и против любого рабства во всех его изошрённых формах и обличьях, — Бунт и как основа современной человеческой

реальности (в эпоху после «смерти Бога»), и как начало солидарности и братства-сестринства³.

Со своей стороны, в то время, когда анархизм всё более оказывался наедине с личностью и её экзистенциальными вопрошаниями, экзистенциализм, начавшись с вопросов личности, постепенно развивался в сторону попыток выйти за рамки одинокой личности — к диалогу, экзистенциальной межличностной коммуникации, совместному действию и проекции своих идей и ценностей на сферу социальности. И на этом пути он всё чаще приходит к анархизму. Если Кьеркегор считал всякую социальность неподлинной, отчуждающей и лживой, то Ясперс, Бердяев, Марсель пытались обосновать философию диалога и встречи Я с Ты. Сартр в последние свои десятилетия пытался достроить собственный экзистенциализм и как социально-революционное учение. При этом, напомним вам, Мартин Бубер был анархистом (последователем Кропоткина и другом Густава Ландауэра), Альбер Камю и Жан Поль Сартр не скрывали своих симпатий к либертарному социализму, а Бердяев называл себя «персоналистическим социалистом» и «христианским анархистом», полностью отрицая все формы власти и авторитета над личностью как неподлинные. По его признанию: *«Всё, что я утверждал, есть утверждение свободы и из свободы. Опыт свободы есть первичный опыт... Борьба за свободу, которую я вёл всю жизнь, была самым положительным и ценным в моей жизни... нико-*

³ Об этом см.: Рябов П.В. Человек бунтующий - философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю И Возрождение России: проблемы ценностей в диалоге культур. Материалы второй Всероссийской научной конференции. Ч. 1. Нижний Новгород 1994. С. 74-76; Рябов П.В. Философия бунта Михаила Бакунина. И Памяти М.А. Бакунина. - М.: Институт экономики РАН, 2000. С. 38-66; Рябов П.В. Философия классического анархизма (проблема личности). - М.: Вузовская книга, 2007.

в модерне, в своих «Речах о Бунте» выражает восхищение Бакуниным в его борьбе против авторитарного социализма Маркса.

Мы живём в эпоху катастроф, разочарований, разобщения, и оттого анархизм, по моему убеждению, как никогда должен повернуться за новым дыханием лицом к экзистенциальным вопросам, к великой экзистенциальной онтологии свободы (понимаемой как суть человечности человека, его безосновная основа, непрерывное творчество, самосозидание и ответственность), к философии Бунта Камю (неосознанно созвучной мыслям Штирнера и Бакунина), к философии диалога Бубера и экзистенциальной коммуникации Марселя и Ясперса. Именно с разрозненных одиночек, противостоящих абсурду, именно с бунтующих личностей, вновь и вновь созидующих человеческую человечность, может сегодня начаться перевоссоздание социальной ткани и внешняя социальная революция, невозможная без внутреннего личного Бунта. И напротив, индивидуалистическая и персоналистическая философия экзистенциализма не может и не должна игнорировать социальное и обречена снова и снова обращаться к анархизму, сочетая свою трагически-эсхатологическую философию личности с либертарной социальной мыслью, наиболее чуткой к теме свободы и автономии человека.

Попытки подвести под анархизм постструктуралистское и фрейдистское основание (в постанархизме) мне кажутся очевидно бесплодными и неудачными, так как, фиксируя всемогущество и неуязвимость власти и отрицая субъектность личности, они ведут лишь к сворачиванию либертарного проекта. Точно также, попытки строить анархическую апологию свободы на материалистическом фундаменте (неизбежно детерминистском и деперсонализирующем, игнорирующем свободу и личность), предпринимавшиеся в двух прошлых столетиях я, вслед за Мала-

нём и постоянную тревогу по поводу возможной неподлинности и отчуждения. В этой паре, при всём внешнем могуществе и превосходстве общества, для анархизма и, тем более, для экзистенциализма, личность — онтологически и аксиологически — первичнее и важнее. Только личность, а не общество, рождается, страдает и умирает, только она — мотор бунта и исходная точка для общественных изменений. Нелегко было анархизму признать эту истину. И не зря второй том «Критики диалектического разума» Сартра должен был быть посвящён рассмотрению рокового вопроса о возможности неотчуждённого социального действия и о том, как и почему свободные «группы» (аналог штирнеровских «союзов эгоистов») вырождаются в авторитарные окостеневшие «коллективы» (у Штирнера — в «общество», тюрьму для свободы Единственного). И Штирнер, и Камю исходным пунктом рассматривали личный Бунт, а социальную Революцию лишь его, неизбежно вторичным и искажённым, следствием.

Анархист, выдающийся философ диалога, мистик-хасид и религиозный экзистенциалист Мартин Бубер обогащает либертарную мысль великой идеей встречи, признания Ты, без которых невозможны рост и становление моего Я. И совсем не анархист, но либерал и религиозный экзистенциалист Габриэль Марсель, сам того даже не подозревая, в понимании свободы идёт вслед за Бакуниным, а не за либералами: для него свобода других не ограничивает мою свободу, а продолжает и расширяет её. И это неузнанное Марселем его созвучие с анархизмом поразительно! Певец свободы Сартр вновь и вновь пытается построить либертарную концепцию социального действия и, подобно Бакунину, подчёркивает, что человечность человека тождественна его свободе. Альбер Камю, продумывая философию Бунта и развивая всеобъемлющую самокритику революционного проекта

гда не знал никакого авторитета и никогда никакого авторитета не признавал» — ни в семье, ни в философии, ни в религии. «С детства я решил, что никогда не буду служить, так как никогда не соглашусь подчиниться никакому начальнику»⁴. Не был чужд анархизма и «испанский Толстой», великий писатель-экзистенциалист Мигель де Унамуно. С другой же стороны, наиболее значительный российский мыслитель эпохи посткропоткинского анархизма Алексей Боровой в своём позднем творчестве периода двадцатых — начала тридцатых годов (в частности, в книге о Достоевском) развивался в направлении от философии жизни бергсонского толка к экзистенциализму. Таковы лишь некоторые — но не случайные и показательные — пересечения на поверхности этих двух гигантских духовных «айсбергов». Но куда интереснее и важнее говорить не о поверхности, а о глубине их встреч и невстреч.

Исторически анархизм и экзистенциализм XIX—начала XX веков одновременно непрерывно притягиваются друг к другу и неумолимо расходятся, интуитивно тяготеют и присматриваются один к другому, при этом часто не замечая. Часто они не видят друг друга, долго не встречаются, существуют в разных культурных измерениях и универсумах.

Модернистский анархизм от Годвина и Прудона до Кропоткина и Букчина — по преимуществу социологический и социальный, благодушный, прогрессистский, рациональный, просвещенческий, стремящийся к гармоничному и разумному царству справедливости на Земле, крайне оптимистический в отношении народного массового творчества и возможностей науки, — долгое время преимущественно игнорировал экзистенциальные вопросы, был

---

⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. (Предисловие и примечания П. Рябов). - М.: ЭКСМО, 2009. С. 92.

нечувствителен к трагическому, закрываясь от него, как весь модерн, религией сциентизированного прогрессизма и антропоцентризма. И лишь иногда анархизм возвращался к романтической, антипросвещенческой традиции мысли, продолжившейся в философии жизни Ницше и Бергсона, с их витализмом, пафосом стихии и воли, бунтарством и творческим порывом, сметающим все претензии науки и рассудка и взывающим к личности. Ницше, с одной стороны, — величайший освободитель, опрокидывающий все авторитеты, проклиная толпу и «холодное чудовище» Государства, призывающий каждого из людей стать взрослым и свободным и возлюбить катастрофизм жизненной бури, с её страданиями, рисками и крушениями, с другой стороны, — певец иерархии и аристократизма, войны и патриархата. Бергсон, с одной стороны, — гениальный либертарный философ, творец онтологии свободы и творчества, не знающих границ, критик застывшей нормативной морали и догматической религии, теоретик самоорганизации и вечного порыва, неутомимый разоблачитель сциентизма и рационализма, вдохновивший столь многих бунтарей и анархистов от Жоржа Сореля до Алексея Борового и Иуды Гроссман-Рощина, но при том увыв, по своим социальным выводам сам не посмевающий пойти дальше либерального половинчатого идеала «открытого общества», движимого императивом любви, созидания, упразднения всех границ между людьми. Хотя сам Бергсон толковал этот идеал в либеральном духе (повлияв и на либерала Поппера, позаимствовавшего эту идею у него), но многие либертарианцы вполне оправданно развивали и истолковывали его идеи вполне по-анархически. И всё же в целом классический анархизм модерна не очень пересекается с экзистенциальной философией мысли. Паскаль, Кьеркегор, Достоевский, Унамуно мало что значили для Прудона, Кропоткина или Рокера. Как и наоборот. Ритори-

ка, круг проблем, весь мир этих движений существовал, в целом, в разных измерениях.

С другой стороны, экзистенциализм — от Монтеня, Паскаля, Кьеркегора, Ницше и до Шестова, Достоевского и Унамуно выражал стоическое переживание открывшейся человеку «бездны», бездомности и заброшенности в опустевший после смерти Бога бесконечный мир. Трагическое противостояние краху модернистской культуры, отчаяние героической и жалкой личности в рушащемся мироздании. И этот, ранний экзистенциализм испытывал органическое презрение к любым (тем более, оптимистическим) социальным учениям, видя в них посягательство на автономию личности, попытки замазать трещины бытия и устранить трагическое и иррациональное.

И вот — лишь на кровотокающих руинах модерна начинается их нелёгкий диалог, взаимное несмелое движение навстречу друг другу — осторожное и противоречивое. Пафос экзистенциализма — свободная личность; пафос анархизма — свободное общество. И они нуждаются друг в друге, как личность в обществе, и общество в личности. Но одновременно — и не совпадают, не узнают, враждуют, отталкиваются. Личность стремится сбежать из общества, не отдать ему своё самое заветное и невыразимое. Общество, пусть и самое наилибертарное, стремится не заметить личность, растворить её в себе без остатка⁵.

Если смотреть в самую суть проблемы соотношения анархизма и экзистенциализма, то мы там и увидим эту мучительную диалектику притяжения и отталкивания личности и общества, с одной стороны, предполагающую гармонию и свободу друг друга, а с другой, — несводимость личности к обществу без остатка, её неразстворимость в

---

⁵ Боровой А.А. Личность и общество в анархическом мировоззрении. — М.: РИПОЛ-классик, 2021.